

Георгий Исидорович
ПОЛОНСКИЙ
1939 – 2001

*Доживем
до понедельника*

*Киноповесть о трех днях
в одной школе*

Куда-то все спешит надменная столица,
с которою давно мы перешли на «вы»...
Все меньше мест в Москве,
Где помнят наши лица,
все больше мест в Москве,
где и без нас правы.

Булат Окуджав

ЧЕТВЕРГ

Может быть, мы не заметили ту осень, которую любил Пушкин. Допустим, из-за ее застенчивой краткости в этом году.

А можно сказать категоричнее: такой осени не заслужили мы, вот Москва и не видела ее. Теперь уж не увидим — сразу, наверное, к «белым мухам» перейдем.

Факт налицо: не та осень! Всего лишь «облачная погода без прояснений», не более.

Только к утру перестал дождь.

Во дворе у серого четырехэтажного здания школы безлюдно — мокрые деревья да птичий крик...

Выбежали из этого здания два пацана без пальто. Поеживаясь и оглядываясь, закурили. Выступ небольшой каменной лестницы защищает их от ветра и от возможных наблюдателей, но только с одной стороны.

А с противоположной — как раз идет человек. В очках. Сосредоточен на том, куда поставить ногу, чтобы не увязнуть в глине. В углу его рта — незажженная сигарета.

Мальчишки нырнули обратно в помещение.

— Как думаешь, видел? — спросил один, щуплый, с мышинными зубками. Второй пожал плечами.

Потом тот человек вошел в вестибюль.

— Здравствуйте, Илья Семеныч, — сказали оба мальчугана. Щуплый счел нужным объяснить их отсутствие на уроке:

— Нас за нянечкой послали, а ее нету...

— А спички есть? — спросил мужчина, вытирая ноги.

— Спички? Не... Мы же не курим.

Мужчина прошел в учительскую раздевалку.

— Надо было дать, — сказал второй мальчишка. — Он нормально спросил, как человек.

Щуплый со знанием жизни возразил:

— А кто его знает? С одной стороны — человек, с другой стороны — учитель... Пошли.

* * *

Под потолком летает обезумевшая, взъерошенная ворона. От воплей, от протянутых к ней рук, от ужаса перед облавой она мечется, ударяясь о плафоны, тяжело машет старыми крыльями, пробует закрепиться на выступе классной доски, роня перья... Там до нее легко дотянуться, и она перебирается выше, на портрет Ломоносова.

Молоденькая учительница английского языка ошеломлена и напугана ужасно. Сорвали урок!.. Совсем озверели от восторга, их теперь не

унять, не перекричать... Весь авторитет — коту под хвост! Ее предупреждали: как начнешь — так и сложится на годы вперед... Проблема № 1 — правильно поставить себя, заявить определенный стиль отношений... Вот она и заявила!

— Швабру тащи, швабру!

— А почему она не каркает? Может, немая?

— Черевичкина, ты всегда завтраки таскаешь, давай сюда хлеб!

— Станет она есть, жди! Сперва пусть очухается!

— Наталья Сергеевна, а как по-английски ворона?

— Вспомнил про английский! Вот спасибо...

— Ну как, Наталья Сергеевна?

— А slow.

— Эй, кр-роу, крроу, кррроу!!!

— Тряпкой надо в нее! Дежурный, где тряпка?

— «Какие перышки! Какой носок! И верно, ангельский...»

— Ну знаешь классику, знаешь! Братцы, под лестницей белила стоят. Искушаем ее?

— Сдохнет.

— Крроу, крроу!

И все это выкрикивается почти одновременно, и в глазах Натальи Сергеевны рябит от этих вдохновенно-хулиганских, вспотевших, хохочущих лиц! Вот уже кто-то приволок швабру, отнимают ее друг у друга... Ворона сжимается, пятится, закрывая глаза...

— Хватит! Не смейте ее пугать, она живая! — вдруг кричит Наталья Сергеевна, которая другие совсем слова готовила: про потерянный человеческий облик, про вызов родителей, про строжайшие меры... У переростка Сыромятникова она силой отбирает швабру, сует ее девочке:

— Дикари вы, да? Рита, унеси швабру!

Потом она встала на стул и в наступившей тишине потянулась к вороне:

— Не бойся, глупенькая. Ничего мы тебе не сделаем...

Восхищенно переглядываются ребята: новая англичаночка у них, оказывается, — что надо!

Одному из ребят возня с вороной наскучила. Это Генка Шестопал, парень с темными недобродушными глазами, с драмой короткого роста, со скандальной — заметим к слову — репутацией. Китель расстегнут, руки в карманах, движения какие-то нервно-пружинистые. Он вышел в пустой коридор вслед за девочкой, которая вынесла туда швабру.

— Что бу-удет!.. — весело ужасаясь, сказала ему девочка про всю эту кутерьму.

Она была тоненькая, светлая, зеленоглазая, ее звали Рита Черкасова.

— А что будет? — меланхолично спросил Генка. — Будут метать икру, только и всего...

— А кто это сделал-то? Я и не заметила, откуда она вылетела.

— А зря. — Генка открыто разглядывал Риту. Другим девчонкам не под силу соперничать с ней, и она это знает, оттого и ведет себя с тем королевским достоинством, которому не придется кричать о себе: имеющий глаза увидит и так...

— Зря не заметила. Ты член бюро, с тебя будут спрашивать...

Она дунула небрежно вверх, прогоняя падающую на глаза прядь волос, и хотела вернуться в класс, но Генка привалился спиной к двери.

— «Что за женщина, — тихонько пропел он, — увижу и неме-е-ею... Оттого-то, понимаешь, не гляжу...»

— Пусти, ну!

— Если это дело будет разбираться в верхах, — проговорил Генка бесстрастно, — можешь сказать, что ворону принес я.

— Ты?! Очень мило с твоей стороны, — поразила она. — Я жутко запустила английский, два раза отказывалась, а сегодня погорела бы точно.

— А моя ворона умница, она это учла, — глядя в потолок, намекнул Генка. — Ну ладно, иди, а то телохранитель твой заволнуется. — Это он произнес уже другим тоном, едким и мрачным.

— Из-за тебя? — Она смерила его взглядом и вернулась в класс. Генка вздохнул и пошел за ней.

...Наталья Сергеевна, все еще стоя на стуле, подумала вслух:

— Так она не пойдет на руки. Надо хлеба на книжку... Есть хлеб?

— А как же! Черевичкина! — Это крикнул Костя Батищев, красивый парень в таких джинсах, какие в конце шестидесятых могли достать и натянуть на себя немногие... Это его Генка называл телохранителем Риты, и она действительно немедленно оказалась рядом с ним. Они и за партой сидели вместе. И вообще их роман законным образом цвел на глазах у всех.

Пышнотелая Черевичкина давно держала наготове полиэтиленовый мешочек с бутербродами. Не вынимая их оттуда, она отщипнула немножко.

— Вороне Главжиртрест послал кусочек сыра, — продекламировал Михейцев, большой энтузиаст нынешнего переполоха. Он вырвал у нее мешочек. — Не жмотничай, тебе фигуру надо беречь...

Класс продолжал ходить ходуном.

* * *

По коридору шагал Илья Семенович Мельников, учитель истории, — это его мы видели, когда он входил в школу. Худощавый лобастый человек. Сорок пять ему? Сорок восемь? Серебряный чубчик. Иронический рот и близорукость

придают его облику некоторую надменность. Но стоит ему снять очки — выражение глаз станет беззащитным. Он чем-то на Грибоедова похож.

Мельникова остановил шум за дверью девятого «В». Пришлось заглянуть: с нового учебного года он был здесь классным руководителем.

То, что он увидел, было настоящим ЧП: класс радостно сходил с ума; учительница, явно забывшись, стояла на стуле; кольцом окружали ее ребята, ни один не сидел за партой; все шесть плафонов на потолке угрожающе раскачивались; спасибо, что не все шесть — на полную амплитуду!

Мельников распахнул дверь и ждал не двигаясь. Просто глядел и вникал. Они застыли на местах. Мальчишки прекратили жевать конфискованные у Черевичкиной бутерброды.

Опустив голову, закрыв щеки и уши обеими руками, умирала от стыда и страха Наталья Сергеевна. Она даже со стула забыла слезть, до того оцепенела.

Мельников понял, что взрослых здесь не двое, как могло показаться, а он один.

Оглядываясь на него, ребята побрели к своим партам. Наталья Сергеевна, неловко натягивая подол, слезла со стула. Только теперь, когда все расступились, Мельников увидел ворону. Она, словно специально, чтобы обратить на себя его внимание, покинула ломоносовский портрет

и села на шкаф для наглядных пособий. Многие прыснули.

— Илья Семенович, понимаете... — краснея, начала Наталья Сергеевна, — я давала на доске новую лексику, было все хорошо, тихо... И вдруг — летит... Я не выяснила, кто ее принес, или, может быть, она сама...

— Сама, сама, что за вопрос! Погреться, — насмешливо перебил Мельников, глянув на закрытые окна. — А зачем передо мной оправдываться? Класс на редкость активен, у вас с ним полный контакт, всем весело, — зачем же я буду вмешиваться? Я не буду. — Он повернулся и вышел.

В классе приглушенно засмеялись, потом притихли — кто затаил азартное любопытство (теперь-то что она будет делать?!), кто — сочувствие (зря мы ее подставили... все-таки совсем еще девчонка).

— А правда, что вы у него учились? — спросил Генка, с интересом наблюдавший за ней.

Ответа не последовало. Прикусив губу, постояла в растерянности Наталья Сергеевна и вдруг выбежала вслед за Мельниковым. Догнала его в пустом коридоре.

— Илья Семенович!

— Да? — Он остановился.

— Зачем вы так? Илья Семеныч? Да, я виновата, я не справляюсь еще... Но вы могли бы помочь...

— В чем же? Если вам нужна их любовь — тогда дело в шляпе: они, похоже, без ума от вас... А если авторитет...

— А вам теперь любовь не нужна?

Мельников усмехнулся:

— Любовь зла. Не позволяйте им садиться себе на голову, дистанцию держите, дистанцию! Чтобы не плакать потом... А помочь не сумею: никогда не ловил ворон!

Почему у нее горят щеки под его взглядом? Почему она поворачивается, как солдатик, и почти бежит, чувствуя этот взгляд спиной?

В классе она, конечно, застала все то же бузотерство вокруг вороны. И — принялась держать дистанцию...

С такой холодной угрозой она им сказала: «Silence! Take your places», что сели они сразу и молча уставились на нее с опасливым ожиданием. Она подошла к окну, открыла первую раму... Немного замешкалась, открывая вторую: шпингалет не поддавался.

— Выбросит! — вслух догадалась Рита Черкасова.

— Вспугнуть бы... — прошептал мечтательно чернявый Михейцев.

Англичанка стояла спиной: надо было успеть, пока она не обернулась. И, прицелившись, Костя Батищев сильно и точно запустил в ворону тряпкой. Но слишком сильно и слишком точно — так, что даже ахнули: мокрая и оттого тя-

желая тряпка накрыла птицу, сбила ее и только упростила учительнице дело. Она взяла этот трепыхающийся ком — и выкинула.

Стало очень тихо. Наталья Сергеевна захлопнула окно и стала быстро-быстро перебирать и перелистывать на столе свои записи...

— А мне мама говорила, что птичек убивать нехорошо, — меланхолично сказал переросток Сыромятников.

— Без суда и следствия, — добавил Михейцев.

Не очень послушной рукой Наташа стала выписывать на доске лексику к новому тексту. Но класс не унимался.

— Наталья Сергеевна, ведь четвертый же этаж! В тряпке! Зачем вы так, Наталья Сергеевна! — волновались девочки.

Напрасно она пыталась вернуться к английскому, напрасно стучала по столу и повторяла:

— Stop talking! Silence, please!¹ — (Чужой язык раздражал их, пока не выяснили кое-чего на своем.)

Генка, ни слова не говоря, сердито-серьезно следил за событиями. Зато острил, розовый от злости и возбуждения, его соперник Костя Батищев:

— Гражданская панихида объявляется открытой... Покойница отдала жизнь делу народного образования.

¹ Прекратите разговаривать! Тишина! (англ.)

— Батищев, shut up!¹ — грозно сказала учительница.

— А может, не разбилась? — предположил кто-то. — Я сбегая погляжу, можно, Наталья Сергеевна? Я мигом, — вызвался Сыромятников и уже встал и пошел. — Я даже принести могу — живую или дохлую, хотите?

Наташа схватила его за рукав:

— Вернись!

— Ты не сюда, ты Илье Семеновичу принеси, — медленно, отчетливо произнесла Рита. — Пусть он видит, какие жертвы для него делаются...

Это оскорбило Наталью Сергеевну до слез, она задохнулась и скомандовала на двух языках:

— Черкасова, go out! Выйди вон!

Рита дунула вверх, прогоняя падающую на глаза прядь, переглянулась с Костей и неторопливо, с улыбкой, ушла.

Сыромятников — вслед за ней.

— Интересно, за что вы ее? — сузил глаза Костя. — Ребятки, нам подменили учительницу! У нас была чудесная веселая девушка...

— Батищев, go out! Я вам не девушка! — выпалила Наталья Сергеевна под хохот мужской половины класса.

— Ну все равно — женщина, я извиняюсь, — широко улыбаясь, продолжал Костя. — И вдруг — Аракчеев в юбке.

¹ Замолчи! (англ.)

— Думайте что хотите, но там, за дверью... Be quick!

В знак протеста мальчишки застучали ногами, загудели... У двери Костя посулил сострада- тельным тоном:

— Так вы скоро одна останетесь...

— Пожалуйста. Я никого не держу! — окон- чательно сорвалась учительница, бледная, как стенка, и отвернулась к доске, чтобы выписать там остаток новых слов...

Поднялся и пошел к двери Михейцев. И его сосед. И в солидарном молчании поднялось полкласса... а затем и весь класс. Уходя, Генка сказал:

— «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове...»

...Потемнело в глазах Натальи Сергеевны. Только слух различал, как еще одна группа вста- ет, еще ряд пустеет... Когда она открыла глаза, в классе сидела только одна перепуганная тол- стая Черевичкина. Ужаснулась Наташа и снова закрыла глаза.

* * *

Уроки кончились, школа работала в тот год в одну смену. Жизнь, правда, превращала эту одну — минимум в полторы. Вот гнется над те- традками словесница Светлана Михайловна, гу- ляет по страницам ее толстый синий карандаш.